

УДК 94

DOI 10.52575/2687-0967-2024-51-2-275-284

Оригинальное исследование

Образ Геракла на серебряной вазе IV в. до н. э. из Частых курганов (к семантике изображений)

Писаревский Н.П.

Воронежский государственный университет
394018, Россия, г. Воронеж, Университетская пл., 1
E-mail: Pisarevskiy1@rambler.ru

Аннотация. Статья посвящена исторической интерпретации образа Геракла на знаменитой Воронежской серебряной вазе из Частых курганов под Воронежем, найденной в 1911 году, с изображениями героя, беседующего с тремя воинами в скифских одеждах. Изучение памятника имеет давнюю историографическую традицию, начинающуюся с акад. М.И. Ростовцева. На основании сопоставления данных мифологии по близкому кругу проблем, наиболее полно в античной традиции изложенных у Диодора Сицилийского, и свидетельств античной традиции высказывается предположение об отраженности в её изображениях эллино-скифского предания о происхождении скифов, смысл и содержание которого восходило к временам греко-арийской культурной общности на степной и лесостепной территории Восточной Европы. Данный вывод основывается на развернутой аргументации и широких аналогиях из индоиранской традиции.

Ключевые слова: этногонический миф, легенда, сингеня, гелоны, агафирсы, скифы, эллины

Для цитирования: Писаревский Н.П. 2024. Образ Геракла на серебряной вазе IV в. до н. э. из Частых курганов (к семантике изображений). *Via in tempore. История. Политология*, 51(2): 275–284. DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-2-275-284

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

The Image of Hercules on a Silver Vase of the IV century B.C. from Chastye Kurgany (on the Semantics of Images)

Nikolay P. Pisarevskiy

Voronezh State University,
1 Universitetskaya Sq., Voronezh 394018, Russia
E-mail: Pisarevskiy1@rambler.ru

Abstract. The article is devoted to the historical interpretation of the image of Hercules on the famous Voronezh silver vase from Chastye Kurgany near Voronezh, found in 1911, with images of the hero talking with three warriors in Scythian clothes. The study of the monument has a long historiographical tradition, starting with Acad. M.I. Rostovtsev. Based on a comparison of mythological data on a close range of problems, most fully set out in the ancient tradition by Diodorus Siculus, and evidence from the ancient tradition, it is suggested that the Hellenic-Scythian legend about the origin of the Scythians is reflected in its images, the meaning and content of which dates back to the times of the Greco-Aryan cultural communities in the steppe and forest-steppe territories of Eastern Europe. This conclusion is based on extensive argumentation and broad analogies from Indo-Iranian tradition. The work continues the series of publications by the author about the ancient Indo-European connections of the Greek, Iranian and Indo-Aryan traditions, which left traces in ancient mythology and monuments of the fine arts of Eastern Europe.

Keywords: ethnogonic myth, legend, syngeny, Gelons, Agafirsi, Scythians, Hellenes

For citation: Pisarevsky N.P. 2024. The Image of Hercules on a Silver Vase of the IV century B.C. from Chastye Kurgany (on the Semantics of Images). *Via in tempore. History and political science*, 51(2): 275–284 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-2-275-284

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

Введение

*Мы придём к пониманию всего
только путём его исторического объяснения.
В.И. Ленин*

Эта непреложная истина имеет прямое отношение к Воронежскому серебряному сосуду скифского времени с позолоченными рельефными изображениями – одному из самых ярких, важнейших и труднообъяснимых памятников, который, несмотря на длительное время своего изучения и огромную историографию, так и остался не до конца понятным с точки зрения отображённой в них исторической информации.

Объект и методы исследования

Объектом исследования является образ Геракла на знаменитой Воронежской серебряной вазе из Частых курганов под Воронежем, на котором изображён герой, беседующий с тремя воинами в скифских одеждах. Методологическая база исследования основана на стремлении соответствия принципу системности (предполагающему комплексное рассмотрение фактов с учетом их развития, опору на структурные и функциональные особенности предмета), принципу историзма (в основе которого лежит изучение исторических явлений, событий и процессов в соответствии с их хронологией и взаимосвязью), принципу объективности (основанному на том основании, что источники и факты имеют объективное содержание, позволяющее реконструировать историческое прошлое). Исследование опирается на такие общенаучные методы, как анализ, синтез, обобщение, систематизация.

Результаты и их обсуждение

На поверхности грушевидного тулова сосуда находились изображения четырёх мужских фигур в скифских одеждах, связанных между собой общей сюжетной линией. На них просматривается один пожилой (бородатый и с двумя луками) персонаж, дискутирующий с тремя молодыми, причём, с каждым из них по отдельности.

Памятник художественной культуры был выявлен в ходе раскопок Частых курганов археологами ВУАК в 1911 г. под Воронежем. Он располагался у изголовья погребения конного воина-аристократа из кургана № 3, сопровождавшегося мечом, луком, стрелами и кожаными остатками ремней колчана. Сразу же после своего открытия он был подвергнут тщательному изучению одним из крупнейших отечественных и мировых антиковедов М.И. Ростовцевым. Он первым определил культовый характер сосуда [Ростовцев, 1914, с. 83–84]. Выделив в изобразительном ряду на его тулове три пары изображений, учёный пришёл, как оказалось впоследствии, к ошибочному заключению об их подобии, равноправии и равноценности, но вне связи друг с другом [Ростовцев, 1914, с. 85]¹.

Среди других замечаний М.И. Ростовцева необходимо отметить его мнение об ионийском стиле сосуда и его датировку концом IV – началом III в. до н. э. [Ростовцев, 1914, с. 86]. К этому следует добавить и его суждение об отражённости в изображениях Воронежского

¹ К интерпретации персонажей на сосуде обращались Б.Н. Граков, М.И. Артамонов, а недавно – и один из крупнейших отечественных учёных-скифологов Д.С. Раевский. См. об этом: [Медведев, 2002, с. 131–140; Писаревский, 2006, с. 72–85; Раевский, 2006, с. 35–45].

сосуда совсем иной исторической реальности Скифии по сравнению со временем Геродота [Ростовцев, 1914, с. 83]. Этот иной аспект жизни он усматривал в переходе от кочевничества к оседлости [Ростовцев, 1914, с. 83].

Рис. 1. Воронежский серебряный сосуд
Fig. 1. Voronezh silver vessel

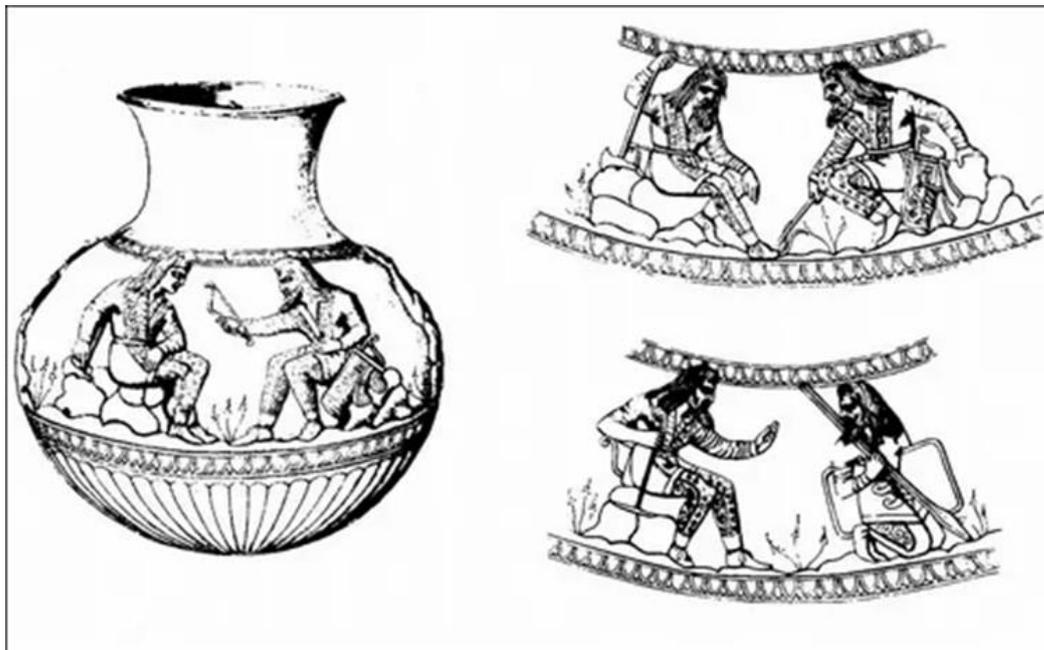

Рис. 2. Прорисовка сосуда М.В. Фармаковским
Fig. 2. The discharge of the vessel by M.V. Farmakovskiy

Между тем сама компоновка, композиция и сюжетная соотносённость изображений по тулову сосуда противоречили такому заключению. Единство композиции определялось присутствием во всех трёх сценах общего длинноволосого и бородатого персонажа, стандартность изобразительной позы и закодированный в них повествовательный сюжет.

На это указывает, во-первых, произносимая речь с протянутой рукой, два пальца которой загнуты к стоящему спиной к нему первому персонажу с такой же бородой. Во-вторых, сцена убеждения другого собеседника посредством демонстрации зажатой в руке

плётки. И, наконец, эпизод внушения известной истины третьему участнику беседы, сопровождаемой дарением боевого лука.

Только внимательное последующее изучение выявило существовавшее между ними единство темы и закодированного в изображениях представления. Было установлено, что оно выступало отображением сюжета из области скифской мифологии. Это позволило отождествить персонажей Воронежской серебряной вазы с изложенной у Геродота скифской версией их этногонического мифа². Содержание картины, её тематика, тройственное членение сюжета, по мнению специалистов, являются убедительными доказательствами такой интерпретации (демонстрация центральным персонажем собеседнику числа 3 на пальцах; показ зажатой в руке плётки второму участнику собеседования; дарение одного из двух луков, ему принадлежащих, третьему).

Её самым весомым аргументом рассматривался тот, который как раз и был связан с передачей лука. Такая трактовка без каких-либо существенных изменений сохраняется вплоть до настоящего времени. Расхождения и полемика между скифологами и антиковедами наблюдается лишь на предмет этничности отображённых в сюжетах вазы древних сказаний (скифские или греческие).

Показательными и характеризующими современный этап представлений по этому вопросу являются исследования Д.С. Раевского. В интерпретации изобразительного сюжета он исходил из совмещенности отложившихся в нём двух (переработанных античным ремесленником) версий скифского этногенеза (скифской и греческой) [Раевский, 2006, с. 48].

Более того, оба этих варианта, по его мнению, отражали содержание основного скифского мифа, суть которого, просматривающаяся во всех версиях, выражала скифскую модель мира [Раевский, 2006, с. 69, 87]. В полном соответствии с этим находилась и интерпретация Д.С. Раевским самого этногонического мифа скифов в его греческом восприятии – заключение, которое учёный считал оправданным. Вместе с тем он категорически отрицал какую-либо связь как мифа, так и его изобразительного выражения на вазе с взаимоотношениями скифов с гелонами и агафирсами [Раевский, 2006, с. 97]. Напротив, он обратил внимание на важность индоиранских параллелей в трактовке основных персонажей скифского этногонического мифа, но не распространял это наблюдение ни на греческую версию, ни на сюжетные линии изображений воронежского сосуда из Частых курганов.

Подводя итоги результатам своего изучения, Д.С. Раевский писал: «... её [скифской легенды – *Н.П.*] содержание значительно более универсально и широко, чем это признавалось до сих пор. Легенда эта, на мой взгляд, представляет не набор разновременных, более или менее логично увязанных между собой мотивов, а единое целое, центральный концептуальный миф скифской религиозно-мифологической системы» [Раевский, 2006, с. 103].

Соглашаясь с проницательностью выводов учёного, отметим ряд неиспользованных им возможностей, в том числе и в интерпретации изображений на воронежской вазе. Прежде всего, он отставил в сторону версию, исходящую из существования в античной традиции представлений о сингении персов и греков (скифы родственны персам и мидийцам по языку, а те, в свою очередь, происходят от носителей языков и культур племён индоиранской общности – древнейших ариев).

² Такое убеждение продолжает оставаться устойчивым вплоть до настоящего времени, искажая как отображённые в изобразительных рядах реалии, так и смысл свидетельств Геродота о гелонах, будинах и городе Гелоне, отстоящем на 15 дней пути вверх по Танаису от угла Меотийского озера (Азовского моря) [Березуцкий, 2016, с. 4]. По мнению автора газетной статьи, длительные и масштабные исследования воронежских курганов в 50–90-е годы прошлого века привели к оформлению точки зрения о будинах как об оседлых племенах с комплексным земледельческо-скотоводческим хозяйством, обитавших на укрепленных и неукрепленных поселениях. Гелоны, оставившие Частые и Мастоугинские курганы на Среднем Дону, согласно той же точке зрения, вели определяемый типом скотоводческого хозяйства кочевнический образ жизни.

Вот почему новое обращение к декодированию информации изобразительных сюжетов Воронежского серебряного сосуда IV в. до н. э. является не только актуальным, но и необходимым. В особенности в связи с тем, что родственная архаическая мифология этих народов, восходя к своим индоевропейским истокам, весьма заметно прослеживается в античных мифах, сохраняя при этом прежнее инвариантное содержание в новом её конкретно-историческом обрамлении. С особенной силой это проявляется в условиях установленного родства языков и эпической поэзии древних народов, в чём особенно были близки древние греки и древние индийцы [Nilsson, 1998, p. 71, 75; Stafford, 2017, p. 325].

С учётом данного обстоятельства отождествлению скифской и греческой версий скифского этногонического мифа можно дать и другую оценку. В них следует видеть не передачу двух вариантов (скифской и греческой версий), не смешение их, а изложение греко-скифского синкретического мифа с выделением в нём деталей, близких аудитории историка (афинской или италийской, на которую было рассчитано сравнение Тавриды и Япигии). В пользу этого можно сослаться на находку К. Карттунена, выявившего наличие оснований для отождествления взаимоотношений «скифской девы» (Ella) мифа о Геракле как родоначальнике трёх родственных племён с индийским верховным божеством Будхой, имевшего от неё сына, имя которого распространилось на народ, который его гостеприимно принял [Karttunen, 1992; Nagy, 2013, p. 334].

Констатация данного факта позволяет рассматривать в качестве аргумента фигуру, которая не нашла отображения, но упоминается Геродотом в его изложении греческой версии скифского этногонического мифа в связи с дочерью бога реки Борисфен Ехидной (Herod., IV, 9). О ней же в таком же контексте сообщают и авторы римского времени Диодор Сицилийский и Валерий Флакк (Diod., II, 43; Val. Fl., VI, 48–68).

Если свидетельство Диодора можно рассматривать в качестве копии сообщения «отца истории», то в поэме римского автора полуженщине-полузмее приданы черты, характеризующие её не столько как хтоническое существо с телом полуживотного, сколько как критскую богиню II тыс. до н. э., которая своим зооморфным ликом и двумя змеями в руках напоминает женских *rotnia theon* и таким образом свидетельствует в пользу восхождения представления понтийских эллинов о совместном рождении Агафирса, Гелона и Скифа к общей и единой традиции.

В дополнение к этому необходимо опереться на наблюдение относительно окончания слов и топопривязки племени агафирсов (тирсагетов Вал. Флакка (Flak. Val., VI, 48–68, 135–140) к культурам Юго-Западного Причерноморья энеолита-бронзы³.

Второй аргумент, который следует привести, исходит из того, что скифы – носители иранских традиций культуры, в том числе религии и мифологии. С учётом той же сингении греков и персов в греческой версии этногонического мифа скифов проступают как черты, роднящие змеядеву с фигурой Драупади индийского эпоса, микенской Атаной и скифской Апи, последняя из которых, возможно, аккумулировала в себе ипостась матери героя и жены первочеловека Вселенной в иранской мифологии, что и объясняет дублирование этого образа как в греческой, так и в скифской мифологии [Писаревский, 2018а, с. 110].

О возможности такого развития представлений свидетельствует и ещё один факт. В том же аспекте весьма показательное соответствие Геракла и Ехидны аналогичной паре древнеиндийской мифологии – Бодину и Иле, которая, что примечательно, была связана с лесом (рощей). Происходившие из разных, но родственных племён, обитавших по соседству друг с другом, они в конечном итоге вступили в брак, от которого появился их сын Пуруравас – первочеловек и прародитель других эпических героев и царей. Особенно по-

³ Учёные считают возможным тождество между Дионисом и персонажем по имени Тирс, которого рассматривают как фракийское воплощение водного духа, что роднит его в том числе и с Ехидной как непосредственного и близкого ей существа [Ventris, Chadwick, 1973, p. 91–121].

казательно сходство имени и роли Пурураваса месту и роли Фороней – героя мифов Арголиды (Греция, Пелопоннес), в которых тот становится общим предком восходящей к нему царской династии, открывая родословную рода Инаха, потомки которого проживали в Афинах и Фивах вплоть до V в. до н. э.) [Ventris, Chadwick, 1973, p. 44; Varto, 2004, p. 240–256].

Напомним в связи с этим, что к этой династии принадлежал и Данай, дочери которого назвали Пелопоннес Апией (τηλόθεν ἐξ ἀπίης γαίης (Hom., II, 1, 270; Od. 8, 25; Aesch., Nic., 340) [Karttunen, 1992, p. 51–54; Lincoln, 2014, p. 31–33]. Название Апия производят из разных основ. Среди них называются личные имена мифологических царей. В частности, Апис, сын Фороней от нимфы Теледики, был первым до Пеласага царем Пелопоннеса, названного в его честь [Lambright, 2022, p. 15]. Был ли он египетского происхождения (т. е. был ли связан с мигрантами, которые двигались в Грецию через Египет, или прямо связывался со священным быком древних египтян), в настоящее время ещё не выяснено. Однако само присутствие «египетского следа», соединяющего отмеченный круг представлений с этногенетическими представлениями древних греков, весьма и весьма симптоматичен по причине родства с этногоническим мифом у скифов и ведийских ариев. Во всяком случае, его связь с именем Эпафа/Апопи – царя, который правил Египтом и, согласно греческим мифам, был потомком Зевса от Аргосской царевны, дочери Фороней, Ио, открывает аналогичный порядок происхождения царской власти и престолонаследия в Древнем Пелопоннесе (Apollo., Myth. Bybl., I, 1, 1) [Грейвс, 1992, с. 151, 165–166]⁴.

Среди других фактов античной традиции и данных эпиграфических источников из Пилоса и Фив есть свидетельства, которые помогают объяснить встречающиеся в античной традиции разночтения, сопровождавшие этногоническую легенду скифов с участием Геракла/Таргитая в её греческой и скифской интерпретациях.

Дело в том, что античным авторам были знакомы два Геракла. Первый был сыном бога и земной женщины. Второй – богом, сыном Зевса (супругом Геры или её простым консортом) и претендентом на верховную власть отца по завещанию последнего. Такая амбивалентность образа нашла отображение как в кознях против Геракла, какие устраивала Гера, так и в том, что он был носителем «генов» Верховного (главного) бога, отставлявшего в сторону женское верховное божество, что нашло отображение в фиксации парных одноимённых божеств в табличках линейного письма В и изображениях в аттической вазописи⁵. Другая версия древнейших представлений о Геракле представляет те представления, в которых существует образ Геры как «суррогатной» матери Геракла: она стала его матерью в результате, как это засвидетельствовано Диодором, совершения соответствующего религиозного обряда.

Диодор свидетельствует: προσθετέον δ' ἡμῖν τοῖς εἰρημένοις ὅτι μετὰ τὴν ἀποθέωσιν αὐτοῦ Ζεὺς Ἦραν μὲν ἐπεισεν υἱοποιήσασθαι τὸν Ἦρακλέα καὶ τὸ λοιπὸν εἰς τὸν ἅπαντα χρόνον μητρὸς εὐνοίαν παρέχεσθαι, τὴν δὲ τέκνωσιν γενέσθαι φασὶ τοιαύτην: τὴν Ἦραν ἀναβᾶσαν ἐπὶ κλίνην καὶ τὸν Ἦρακλέα προσλαβομένην πρὸς τὸ σῶμα διὰ τῶν ἐνδυμάτων ἀφεῖναι πρὸς τὴν γῆν, μιμουμένην τὴν ἀληθινὴν γένεσιν: ὅπερ μέχρι τοῦ νῦν ποιεῖν τοὺς βαρβάρους ὅταν θετὸν υἱὸν ποιεῖσθαι βούλωνται / «Усыновление, – указывает историк, – происходило следующим образом: Гера взошла на ложе, и, приняв Геракла на своё тело, пропустила его под одеждой, пока тот не оказался на земле в подражание настоящим родам. Точно так поступают вплоть

⁴ Такая ситуация была распространена в Микенской Греции, в частности в Пилосе [Бартонек, 1991, с. 194; Redondo, 2022, p. 167–186, note 26].

⁵ Этот круг представлений отображал самые архаические черты образа Геракла. Они закодированы в его имени: название Ἦρακλῆς необязательно означает «слава Геры», как принято считать, но может быть прочитано как что-то вроде «слава, [достигнутая] в связи с Герой». Эпизоды, вообще не засвидетельствованные в античной традиции, но присутствующие в иконографических источниках начала V в. до н. э., по мнению специалистов, дают основание считать, что Гера вовсе не была враждебна по отношению к Гераклу, а, возможно, даже была его матерью, по причине чего и сформировалось само определение-эпитет, заключённый в его имени.

до нынешнего дня варвары, когда желают усыновить кого-либо» (Diod., IV, 39, 2–3) [Грейвс, 1991, с. 122]⁶.

Учёт данного обстоятельства ставит всё на свои места. В первую очередь оно соединяет различные версии этногонического мифа в изложении античных авторов. Во-вторых, оно свидетельствует о первоначальной основе, которая, подвергаясь различной по форме и степени деформации, сохранила свою греко-арийскую, восходившую к индоевропейским истокам, концепцию. И это позволяет путём сопоставления идентифицировать сами персонажи, их имена, статус и функции, которые, находя подтверждение в разнотипных источниках, раскрывают ядро первоначального этногонического мифа, скрытого в изобразительных рядах Воронежского серебряного сосуда скифского времени.

Отметим и недостаточное внимание, которое отводится учёными разработке принципов интерпретации изобразительного ряда греческой версии представленного на вазе сюжета. Попытки, предпринятые в указанном направлении М.В. Скржинской и А.В. Подосиновым [Скржинская, 1989, с. 227–232; Скржинская, 2011, с. 469–476; Подосинов, 2020, с. 65–108], несмотря на свою полезность, оставили без внимания три обстоятельства:

1) контекст изложения Скифского логоса Геродотом и место, занимаемое в нём изложением греческой версии скифского этногонического сказания историком;

2) происхождение самой вазы из аристократического (если не царского) погребения в большом кургане на территории, которую большинство учёных размещают в бассейне р. Дон;

3) соотнесение донского гидроузла с отстоящими на 15 дней пути от угла Меотийского озера землями, на которых находится деревянный город Гелон, где проживают зависимые от скифов племена будинов и гелонов (Herod., IV, 108–109).

Несоответствия, присущие существующим трактовкам, проявляются практически во всём [Писаревский, 2018, с. 211, 316]⁷. Если обратиться к изложению «отцом истории» скифской версии о своём происхождении, то в ней ни о каком-либо луке нет и речи. Упоминаются плуг, ярмо, секира и чаша, изображения которых на вазе отсутствуют. Не сообщает ничего наш источник и о загнутых пальцах Геракла, беседующего с Агафирсом, Гелоном и Скифом (впрочем, как и о факте самой этой беседы тоже). А это означает, что указанная сцена является трактовкой ремесленником-греком мифологического сюжета изобразительными средствами, и, следовательно, использования иной информации в трактовке художественной образности изображений мастерами-торевтами [Nagy, 2013, p. 31; Redondo, 2022, p. 176].

Если это так, то становится понятной центральная позиция, занимаемая третьим по счёту изобразительным сюжетом на тулове сосуда, соответствующим рассказу «отца истории» о боевом луке, который был подарен Гераклом и который сумел натянуть третий из представленных персонажей. Это означает известное соответствие всей композиции изобразительного ряда версии скифской этногонической легенды, изложение которой выполнено Геродотом на основе рассказов понтийских эллинов. Собственно, упоминание о них,

⁶ См. также: [Nagy, 2005, p. 74; Nagy, 2013, p. 325, n. 2–3]. Следует принять к сведению и сообщения античных авторов о самосожжении Геракла на горе Эта, которое обеспечивало ему бессмертие, что само по себе служит доказательством информационной многослойности мифа и наличия в реальной действительности погребального биритуализма у «исконных эллинов» Балканской Греции.

⁷ Объяснение причин такой ситуации следует видеть в доказательствах, которые, являясь связанными с тремя методологиями (типологической, генеалогической и исторической), почему-то никогда не подвергаются сравнению. К этому следует прибавить и невнимание к тому обстоятельству, что изложение скифской этногонической легенды в двух «версиях» на самом деле представляет собой предпринятое «отцом истории» исследование, в котором с использованием устных источников информации ведётся разработка вопроса о происхождении скифов, во-первых, и что оно развёртывается в двух плоскостях, во-вторых: с точки зрения космологии и с позиций этногенетического мифа.

наряду с теми элементами, которые присутствуют как в изображениях вазы, так и в свидетельстве историка, говорит об этом.

Они позволяют, особенно в сопоставлении элементов обеих версий как между собой, так и с фактами греко-арийских параллелей, вывести заключение относительно их общих индоевропейских истоков. Более того – и в пользу общего происхождения предков скифов и древних греков, когда-то в прошлом проживавших на территории общей прародины. Только с учётом этого представления становится понятной обусловленность сохранения общих сюжетов далёкого исторического прошлого двух народов на уровне мифопоэтического сознания, которые в реальной жизни в качестве рудиментов находили отражение в материальной, художественной и духовной культуре племён периферии скифской ойкумены: синдов, меотов, «эллино-скифов», а также «скифов и проживающих среди них эллинов»⁸.

Известным отголоском такой ситуации родства и сингении двух народов, отложившихся в их мифах, является результат сопоставления действующих лиц скифской и греческой версий мифа: Липоксай – Агафирс, Арпоксай – Гелон, Колаксай – Скиф. В таком же порядке следует понимать соответствие племени авхатов агафирсам, катиаров и траспиев – гелонам и будинам, а паралатов – скифам. Естественно, что к тому же ряду относится тождество скифского Таргитая греческому Гераклу.

Однако самым важным выступает несопадающая аналогия, восходящая к единому общему источнику: родителями Таргитая были Зевс и дочь реки Борисфена. И хотя, по словам Геродота, он этому сказанию не верит, тем не менее сам излагает греческую версию почти таким же образом: Геракл производит потомство от брака с женщиной-змеей. Иными словами, брачные отношения героя с автохтонной богиней-прародительницей зафиксированы в обеих версиях античного историка (IV, 5; 8–10). Насколько нам удалось доказать, они по своему существу совпадают с общим мифологическим источником множества других версий, являясь между собой самыми близкими.

Обращает на себя внимание и место действия. Судя по изложению Геродота, это не Скифия, а земля, куда Геракл пришёл откуда-то с Запада. Название страны историк определяет, используя термин «так называемая теперь страна скифов». А её главной достопримечательностью он называет местность Гилею, в которой и развёртывалось действие греческого изложения скифского мифа, напоминавшего общую индоарийскую, сохранившуюся в эпической поэзии Древней Индии, версию.

Заключение

Этот сюжет уже становился предметом нашего внимания. Сейчас важнее обратить внимание на то, что эллинская версия скифской этногонической легенды своим источником могла иметь мифологию, с которой знакомились проживавшие среди скифов эллины, во-первых, и жившие совместно с будинами в одноимённом городе гелоны, которых «отец истории» наделяет термином «исконные/первоначальные эллины» (Herod., IV, 108–109). Именно это определение представляет интерес первостепенного значения как с точки зрения этногенетического мифа самих греков, так и в контексте формирования их представлений о своём собственном прошлом [Ulf, 1996, S. 240–280]. Впрочем, данная проблема требует специального изучения.

Список литературы

- Бартошек А. 1991. Златообильные Микены. Москва, Наука, 351.
Березуцкий В. 2016. Воронежский серебряный сосуд. В: Коммуна. 11 марта: 4.

⁸ В специальной литературе допускается отложенность в греческой версии убеждения, согласно которому скифы родственны грекам, хотя и не полностью. См.: [Nilsson, 1998, с. 16; Duev, 2008, p. 223; Nagy, 2013, p. 26].

- Грейвс Р. 1992. Мифы Древней Греции. Москва, Прогресс, 620.
- Диодор Сицилийский. 2000. Греческая мифология. Москва, Лабиринт, 222.
- Медведев А.П. 2002. Гелон Геродота: к проблеме соотношения античного нарратива и историко-археологических реалий. В: Античный мир и археология. Саратов. Вып. 11: 131–140.
- Писаревский Н.П. 2006. О локализации Гелона (к интерпретации Herod., IV, 24; 108–109). В: Вестник ВГУ. Воронеж. Вып. 2: 72–85.
- Писаревский Н.П. 2018. Гелон Геродота. Эллинский город в стране будинов. Санкт-Петербург, Алетейя, 358.
- Писаревский Н.П. 2018а. Греко-арийские параллели. III Эллинская версия скифской этногонической легенды. В: Вестник ВГУ. Воронеж. Вып. 1: 107–112.
- Подосинов А.В. 2020. Геракл скифский и Геракл кельтский: к истории одной генеалогической легенды. В: Труды кафедры древних языков МГУ. Москва. Вып. 6: 65–108.
- Раевский Д.С. 2006. Мир скифской культуры. Москва, Наука, 600.
- Ростовцев М.И. 1914. Воронежский серебряный сосуд. В: Материалы по археологии России. Вып. 34. Петроград: 79–93.
- Скржинская М.В. 1989. Мифы о Геракле в Скифии. В: Древнейшие государства на территории СССР. 1987. Москва, Наука: 227–232.
- Скржинская М.В. 2011. Происхождение двух этногенетических мифов в скифском Логосе Геродота. В: Индоевропейское языкознание и классическая филология – XV. Санкт-Петербург, Наука: 469–476.
- Duev R. 2008. Zeus and Dionysus in the Light of Linear B Records. In: Colloquium Romanum, Atti del XII colloquio internazionale di Micenologia, Roma, 20–25 febbraio 2006, vol. I–II. Pasiphae 1–2, Pisa: Roma, 223–230.
- Karttunen K. 1992. Yonas and Yavanas in Indian Litterature. Helsinki, Finnish Eastern Society, 620.
- Lambright T. 2022. In Search of the Pelasgians: Discursive Strategies and Greek Identities from the Archaic Period to the Roman Imperial Era. Diss. Jacksonville State University, 125.
- Lincoln B. 2014. Once Again «the Scythian» Myth of Origins. In: Nordlit: 31–33.
- Nagy G. 2005. The Epic Hero. In: Companion to the Ancient Epic. Oxford, UP: 71–75.
- Nagy G. 2013. Ancient Greek Hero in 24 Hours. Harvard, University Press, 672.
- Nilsson M.P. 1998. Minoan and Mycenaean Religion and its Preservation in Greek Religion. Leipzig, Oxford University Press, 622.
- Redondo J. 2022. The Herodotean Myth on the Origin of the Scythians. In: Myth and History: Close Encounters. Berlin, De Gruyter: 167–186.
- Stafford E. 2017. Herakles. London, Oxford University Press, 312.
- Ulf Chr. 1996. Griechische Ethnogenese versus Wanderungen von Stämmen und Stammstaaten. In: Wege zur Genese griechischer Identität. Berlin, De Gruyter, 240–280.
- Varto E.K. 2004. Early Greek Kinship. Vancouver, Phd, 256.
- Ventris M., Chadwick J., 1973. Documents in Mycenaean Greek. Cambridge, Cambridge University Press, 463.

References

- Bartonek A. 1991. Zlatoobilnye Mikeny [Zlatoobilnye Mycenae]. Moscow, Nauka, 261.
- Berezutskiy V. 1991. Voronezhskij serebrjanyj sosud [Voronezh Silver Vessel]. In: Kommuna, 4.
- Greivs R. Mify Drevney Grecii [Myths of Ancient Greece]. Moscow, Progress, 1992. 620 p.
- Diodor Sitsiliyskiy. 2000. Grecheskaya mifologiya [Greek Mythology]. Moscow, Labirint, 222.
- Medvedev A.P. 2002. Gelon Gerodota: k problem sootnosheniya antichnogo narrative I istoriko-arheologicheskikh realiy [Gelon of Herodotus: on the Problems of the Relationship between Ancient Narrative and Historical and Archaeological Realities]. In: Antichnyi mir I arheologiya [Ancient World and Archaeology], Vyp. 11: 131–140.
- Pisarevskiy N.P. 2006. O lokalizacii Gelona (k interpretazii Herod. IV, 24; 108–109) [On the Localization of Gelon (to Interpretation of IV, 24; 108–109)]. Voronezh, VSU: 72–85.
- Pisarevskiy N.P. 2018. Gelon Gerodota. Ellinskiy gorod v strane budinov [Gelon of Herodotus. Hellenic City in the Country of the Budins]. Saint-Petersburg, Aletheya, 258.
- Pisarevskiy N.P. 2018а. Greko-ariyskiye paralleli. III. Ellinskaya versiya skifskoy etnagonicheskoy legendy [Greco-Aryan Parallels. III Hellenic Version of the Scythian Ethnogenic Legend]. In: Vestnik VGU, Voronezh: 107–112.

- Podosinov A.V. 2020. Gerakl skifskij i Gerakl kel'tskij: k istorii odnoj genealogicheskoy legendy [Scythian Hercules and Celtic Hercules: on the History of a Genealogical Legend]. Moscow, MGU. Vyp. 6: 65–108.
- Raevskiy D.S. 2006. Mir Skifskoy kultury [The World of Scythian Culture]. Moscow, Nauka, 600.
- Rostovtzev M.I. 1914. Voronezhskiy serebryanniy sosud [Voronezh Silver Vessel]. In: Materialy po archeologii Rossii [Materials on Archaeology of Russia]. № 34. Petrograd, 79–93.
- Skrzhinskaya M.V. 1989. Mify o gerakle v Skifii [Myths about Hercules in Scythia]. In: Drevnejshie gosudarstva na territorii SSSR. 1987 [The Most Ancient States on the Territory of the USSR. 1987]. Moscow, Nauka, 227–232.
- Skrzhinskaya M.V. 2011. Proishozhdeniye dvuh etnogeneeticheskikh mifov v Skifskom logose Gerodota [The Origin of Two Ethnogenetic Myths in the Scythian Logos of Herodotus]. In: Indoevropeskoe yazykoznanie I klassicheskaya filologiya – XV [Indo-European Linguistics and Classical Philology – XV]. St. Petersburg, Nauka, 469–476.
- Duev R. 2008. Zeus and Dionysus in the Light of Linear B Records. In: Colloquium Romanum, Atti del XII colloquio internazionale di Micenologia, Roma, 20–25 febbraio 2006, vol. I–II. Pasiphae 1–2, Pisa: Roma, 223–230.
- Karttunen K. 1992. Yonas and Yavanas in Indian Literature. Helsinki, Finnish Eastern Society, 620.
- Lambright T. 2022. In Search of the Pelasgians: Discursive Strategies and Greek Identities from the Archaic Period to the Roman Imperial Era. Diss. Jacksonville State University, 125.
- Lincoln B. 2014. Once Again «the Scythian» Myth of Origins. In: Nordlit: 31–33.
- Nagy G. 2005. The Epic Hero. In: Companion to the Ancient Epic. Oxford, UP: 71–75.
- Nagy G. 2013. Ancient Greek Hero in 24 Hours. Harvard, University Press, 672.
- Nilsson M.P. 1998. Minoan and Mycenaean Religion and its Preservation in Greek Religion. Leipzig, Oxford University Press, 622.
- Redondo J. 2022. The Herodotean Myth on the Origin of the Scythians. In: Myth and History: Close Encounters. Berlin, De Gruyter: 167–186.
- Stafford E. 2017. Herakles. London, Oxford University Press, 312.
- Ulf Chr. 1996. Griechische Ethnogenese versus Wanderungen von Stämmen und Stammstaaten. In: Wege zur Genese griechischer Identität. Berlin, De Gruyter, 240–280.
- Varto E.K. 2004. Early Greek Kinship. Vancouver, Phd, 256.
- Ventris M., Chadwick J., 1973. Documents in Mycenaean Greek. Cambridge, Cambridge University Press, 463.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 25.04.2024

Поступила после рецензирования 24.05.2024

Принята к публикации 27.05.2024

Received 25.04.2024

Revised 24.05.2024

Accepted 27.05.2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Писаревский Николай Петрович, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры археологии и истории Древнего мира, Воронежский государственный университет, г. Воронеж, Россия

 [ORCID: 0009-0008-4524-0688](https://orcid.org/0009-0008-4524-0688)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nikolay P. Pisarevsky, Doctor of Sciences in History, Associate Professor, Professor of the Department of Archeology and History of the Ancient World, Voronezh State University, Voronezh, Russia